

В НАШЕМ доме — переполох. Покладистые первокурсники проявили вдруг самостоятельность и даже упрямство: ни с кем не посоветовавшись, написали письмо в Москву. Вопрос, интересующий их, далек от филологии. Они хотят знать, в каком состоянии находится проект переброски северных рек и не принесет ли его осуществление вреда природе. Они предлагают провести широкое обсуждение проекта. Это письмо и стало причиной переполоха. Что же, говорят, получится, если все начнут обсуждать на свое дело? А главное — что станут думать о факультете, на котором студенты вместо учебы невесть чем озабочены? Словом, в наших преподавательских рядах произошел раскол по поводу того, как себя вести в создавшейся ситуации.

Филологический факультет в любом университете — девичье царство. Наш — не исключение, и мне всегда казалось, что если нашим воспитанницам чего и не хватает, так это бойцовских качеств, общественного темперамента. Но вот они проклюнулись. Почему же они смутили нас?

Создание студенческого коллектива — дело многотрудное. Ежегодно из него уходят выпускники, вливаются свежие люди. В минувшем году нам, можно сказать, повезло с пополнением. Первокурсники с первых дней серьезно относились к занятиям, уважительно — к традициям. И пока их

активность была домашнего масштаба, нам это нравилось. Иное дело — сейчас...

Мне всегда интересно видеть, что из наших уроков пошло выпускникам впрок. Радуюсь, если в самостоятельной работе они честны и принципиальны. Бываю огорчена, если все наоборот. Утешаюсь тем,

ведя идейно-политическую работу в самой людской гуще, и мы должны воспитать их чуткими к общественной беде и радости, воспитать принципиальными людьми, борцами.

Подумаем: почему вдруг именно юных филологов взволновала судьба северных рек? Скажем, геологи, географы,

они думают. Значит, им безразличны процессы, происходящие в обществе, безразлично, каким будет завтрашний день. Они не стали, как от них требовали, снимать свои подписи, уходить от ответа. А это значит, что у них есть чувство собственного достоинства, что они свято верят в прин-

Гласно о гласности

Ир. 16.08.85 *Теперь уже гласно*

МНОГО ШУМА — ИЗ-ЗА ЧЕГО?

203-010

О том, как в Иркутском университете случилось ЧП, которого... не было

чем, наверное, утешают себя обычно вузовские педагоги: человек пришел к нам с уже сложившимся характером — что тут поделаешь? Но вот нынешняя история заставляет меня ворочить прошлое и задать себе неудобные вопросы.

Не подумайте, что мы ничего не делаем. Воспитательных мероприятий достаточно. Однако они чаще всего пресные, плоские, не возбуждают ни ума, ни сердца студентов. А ведь наши выпускники сами становятся воспитателями. Преподавание займет лишь часть их будущих забот. Они будут

биологи соприкоснутся с экологическими проблемами отнюдь не меньше. Но филологи — по-другому. Для наших студентов на первый план выступают не экономические, юридические или географические стороны этих проблем, а духовные. Ведь материал учебного процесса у нас — книги, взращивающие в человеке добро, сострадание, возмущающие честность, высокие нравственные и гражданские чувства. И если студенты беспокоит проблема, далекая от их собственных житейских интересов, значит,

ципы, лежащие в основе нашей морали.

Воспитать покладистых, послушных, поддекивающих учеников — не самая большая заслуга учителя. Доблесть учительская — в том, чтобы вырастить граждан, умеющих отстаивать свои убеждения. Тогда они и своих учеников будут учить тому же.

Много лет назад на нашем факультете была очень беспокойная студенческая компания. Особенно ершистыми были двое. Тот, что из деревни Кутулик на сибирском тракте, парень с шальной буйных чер-

ТАК ВСЕ И БЫЛО. Впечатления, которые я привезла из Иркутска, обстоятельства, с которыми встретилась, могут лишь дополнить и, так сказать, персонафицировать картину.

Письмо студентов меня порадовало — честное, разумное. Их учителям впору бы гордиться. Разве ж такая позиция — не цель воспитания? Или гражданами молодые люди должны становиться только после диплома, а до того — быть пассивными и безгласными? Участь на гражданина, пеналкивать?

Началась вся история с обстоятельного доклада на политчасе Инги Зиковьевой, которая изучила имеющиеся публикации по возобновлению студентов предмету — переброске рек. Так всплыла идея письма. Первым узнал о сборе подписей доцент Л. С. Любимов. Прибежал к декану Н. Г. Бакановой: «У нас на факультете ЧП!» Та вызвала Ингу, ее подруг, вкрячала на них: «Планетарные проблемы их, видите ли, мучают! А дома небось тарелки после обеда не помоешь. Об успеваемости лучше бы думали». Незамысловатый прием: смешать все в кучу, серьезное и чепуху, ткнуть носом в возраст,

отметки (они всегда могут быть лучше), пригрозить. Подействовал он обратно железу: студенты с других курсов, узнав о причине скандала в деканате, живо заинтересовались письмом, и под ним вместо шестидесяти подписей появилось двести пятьдесят.

На спешно организованном собрании преподавателей и студентов уже образовались два лагеря — «группа Теудитник», защищавшая студентов, и «группа декана», которая обвиняла их, пользуясь стандартными ярлыками. Один из преподавателей, доцент В. П. Владимирци, усмотрев в студентах, подписавших письмо, даже некий коллектив, чуть ли не противопоставивший себя комсомолу. Ком подозритель рос на глазах, но никто из обвинителей не дал себе труда, отрешившись от догматических оценок, подумать о сути происшедшего. А ведь они — не сторожа, не ревизоры. Педагоги. Их профессиональное дело — не пресекать, а воспитывать, то есть склонять к своему мнению, но считают, его единственно правильным, знанием и логикой, стоя на убедительных гражданских позициях.

...Ректор прислал на факультет специалистов-географов —

для «квалифицированного освещения вопроса». Те беззащитно высказались за переброску рек. Не пригласили на встречу ученых, которые придерживаются другого взгляда. Никто не утруждал себя доказательствами. Не было тут, пусть даже в узком факультетском кругу, столкновения разных точек зрения, спора в поисках истины. Студенты разобиделись: гауптенки их считают, что ли? Они собрали комсомольское собрание, позвали руководителей факультета. Никто, кроме замдекана, к ним не пришел. Опять перечитали письмо и не нашли ничего, заслуживающего даже неодобрения. Письмо ушло в Москву.

Вечером состоялось звездное заседание парткома университета. И тут никто не анализировал событий, не размышлял над нормальным проявлением коллективистского духа («Мы почувствовали себя коллективом» — сказала мне комсорг, кандидат в члены КПСС О. Радченко), о том, как бы его развить и использовать. Все свелось к перечислению и осуждению преподавателей, виновных в «состоянии воспитательной работы со студентами». Пло-

хое, посчитали, состояли, поскольку интерес студентов к переброске рек «получил без серьезных оснований однозначную направленность, выразившуюся в факте написания письма», к тому же, как отмечено в постановлении, некомпетентного и неконструктивного (!). Преподаватели же, оказывается, не только дурно воспитывали, но еще и «не дали поступку принципиальной оценки».

Надежду Степановну Теудитник в первую очередь обвинили в том, что она подтолкнула первокурсниц к обращению в столицу. Наверное, так оно и было. Теудитник читала им курс «Эволюция современной деревенской прозы». Белов, Айтматов, Распутин, конечно же, его «Прощание с Матерой». А талант и личность Валентина Распутина для иркутских студентов полны особого обаяния. Близко к сердцу принимают они все, что он пишет и делает в защиту природы родного края. Такая литература, естественно, воспитывает активное отношение к окружающему миру, зовет к поступку.

Однако, не будь письма, всем, кого оно испугало и рассердило, так и осталось бы безразлично.

ных кудрей, остро подмечал и высмеивал недостатки. Другой, из ангарской деревни Аталанка, самоуглубленный и молчаливый, становился речистым и яростным, когда заходила речь о затоплении илимских пашен или переселении деревень в новые поселки. Теперь то ясно, что ничего доброго из этого переселения не вышло, но тогда все радовались захлеб. А он сострадал переселенцам. Так что нам нужно было делать с этими ребятами, с Сашей и Валею? Подравнять, утихомирить? Но тогда наша культура лишилась бы Александра Вампилова и Валентина Распутина.

В последнее время мы много говорим о гласности. Но иные люди толкуют это понятие так, как им удобно. О чем-то или о ком-то не у себя под боком, далеко — пожалуйста. А вот о том, что происходит в собственном ведомстве, учреждении, регионе, — лучше не надо.

...Я иду на лекцию. Сейчас я встану за кафедру и буду говорить юношам и девушкам о великой праведной силе прозы Шукшина, Айтматова, об их достойной подражания гражданской искренности. Буду говорить в надежде, что и они никогда не изменят истине, не поплывут по течению житейских удобств.

Н. ТЕНДИТНИК,
профессор Иркутского
государственного уни-
верситета имени А. А.
Жданова.

что думают студенты о жизни, протекающей за стенами учебного заведения, с чем они выходят из университета каждый день и навсегда — с дипломом. Первокурсники — те вот за общее дело болеют. А старшие говорят о младших коллегах хотя и с уважением, но уже с оттенком снисходительности: ничего, мол, со временем угомонятся. Эти мои собеседницы с четвертого курса тоже два-три года назад кипели, рвались во все вмешиваться, улучшать, а потом... Потом, как сами определяют, «поумнели, повзрослели».

Вот чего бояться-то надо! Вот когда кричать о ЧП, собирать заседания и ломать там копыя.

Мне остается сказать, что цель выступления газеты — не в оценке проекта. Просто мы хотим еще раз напомнить, что все наши планы сейчас, программы действий рассчитаны на социальную активность граждан. Осуждать ее, гасить общественный пыл, особенно молодежи, значит плодить равнодушных.

З. АЛЕКСАНДРОВА,
спец. корр. «Известий».

ИРКУТСК.